

Ван Сяожань

КИТАЙ, ВОСПЕТЫЙ В СТИХАХ
Поэзия о чувствах

**ЖИЗНЬ,
ВЫРАЖЕННАЯ В ЧУВСТВЕ**

情寄人生

Главные составители
Сюэ Баоцин, Ли Хао

Москва
2021

УДК 82-1+908
ББК 63.5(3)+84(5)
В17

*Права на издание данной книги предоставлены
ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического университета»*

Ван Сяожань

В17 Жизнь, выраженная в чувстве. Китай, воспетый в стихах: Поэзия о чувствах / Сост. Сюэ Баоцинь, Ли Хао / Пер. с кит. Е. В. Артамонова — М.: «Издание книг ком», 2021. — 312 с., ил. — (Китай, воспетый в стихах).

ISBN 978-5-907446-28-1

Чувства всегда были главной целью освобождения природы человека. Толкование чувств, отстаивание чувств и уважение к ним проходят через процесс развития человеческой цивилизации, становясь ярким и выразительным контрастом каждого этапа развития.

Автор с широкой точки зрения отобрав подходящие строки из китайских классических стихотворений, которые сложны, безбрежны и ярки словно Млечный путь, сочетая их со свидетельствами поэтов — историков, ведет свое повествование в форме прекрасной и живой прозы. Также автор открывает нам истинную гордость, дружественные и родственные чувства, любовь в сердцах китайских сыновей и дочерей посредством стихотворений Ли Бо, Ду Фу, Ли Шаньгиня и других поэтов.

УДК 82-1+908
ББК 63.5(3)+84(5)

ISBN 978-5-907446-28-1

© Ван Сяожань, 2021
© ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического
университета», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

О Китае, воспетом в стихах. Предисловие	5
Предисловие автора	13
ГЛАВА 1. Пафос	
<i>Пафос тысячелетнего рисового вина</i>	17
Жизнь человека должна быть полна удовольствий <i>Поэзия и вино как ритм процветающей династии Тан</i>	19
Радость чистого вина <i>Бессмертный среди поэтов лучше всех распевает стихи</i>	30
Дух благородства будет вечно витать над останками воина павшего <i>В утонченной душе таится железное мужество</i>	41
Провожая взглядом возвращающихся гусей, повторяя веселую песню <i>Достигнуть целей, но разочароваться; разочаровавшись, не потерять желание бороться</i>	53
ГЛАВА 2. Дружба	
<i>Надежда всей жизни, что трудно достичь</i>	67
Дружба благородных людей проста как вода <i>Дома полагаешься на родителей, вне дома — на друзей</i>	69
Не важны мне горы и реки, встреча с другом — важнее всего <i>Тысячелетняя мелодия «Высоких гор и текущих вод»</i>	84
Поднимем бокал за радость встречи и горесть по ушедшим дням <i>Встреча наша дана судьбой, ведем задушевную беседу с чаркой вина в руках</i>	95
На склоне лет соседями бы стали <i>Тоска в разлуке глубока, как и мои чувства сегодняшним вечером</i>	109
ГЛАВА 3. Любовь	
<i>Обещаю тебе романтическую жизнь</i>	123
В толпе искал её сто тысяч раз <i>Луна на верхушке ветки, а любовь в сердце</i>	125
Мысли о тебе льются, как речная вода, нет им ни начала, ни конца <i>Сколько же ждать придется мне, когда наступит полнолуние?</i>	138

Сердце государя гонится за новым, забывая про старое <i>Печаль и обиды наложниц императора</i>	156
На берегу реки Башуй ивы возвещают о весне <i>Из года в год ломаем ветки ивы, из года в год переживаем печаль расставания</i>	171

ГЛАВА 4. Тоска по родным краям

<i>Оглядываясь на глубокие чувства странников в пути</i>	185
Тоскуя всю ночь, не могут уснуть <i>Этой ночью роса чиста, а луна светла, как в родных местах</i>	187
Родина на востоке исчезает вдали <i>Чем глубже тоска по родине, тем сильнее беспокойство</i>	200
Эти печальные звуки тоску по родным породили <i>Нефритовая флейта играет, кукушка плачет до крови</i>	214
В молодом возрасте дом покидаешь, а возвращаешься стариком <i>Листья опадают и возвращаются к корням, а птицы прилетают в родной лес</i>	230

ГЛАВА 5. Горечь расставания

<i>Скорбная песнь эпохи, в которой люди покидали родину ради поиска карьеры</i>	245
Печальное и сентиментальное расставание с древних времен <i>Расскажи о своем одиночестве и тоске в разлуке</i>	247
Даже если мечту трудно осуществить, утопиться в море не считается геройством <i>Воодушевление и смелость, не боящиеся расставаний в жизни и смерти</i>	260
Ветер несет ивовый пух, постоянный двор наполнен ароматом <i>Вольность и романтика расставания с распитием вина, песнями и танцами</i>	275
Уехать далеко от шума мирских желаний, почитая лишь леса и родники	286
Знаю я, как только мы сегодня расстанемся, будем оба в разных местах тосковать <i>Какая лодка может помочь тебе переплыть реку времени?</i>	299

О КИТАЕ, ВОСПЕТОМ В СТИХАХ Предисловие

«КИТАЙ, ВОСПЕТЫЙ В СТИХАХ» — о стихах, но в большей степени — стихами о Китае.

Поэзия — это ярчайшая драгоценность в сокровищнице литературы. Поэзия — это языковое воплощение эстетического сознания, это литературная проекция мыслей и чувств творца, это художественное воспроизведение повседневной жизни человека. Поэзия — это симфония духа, сияние мысли, квинтэссенция человеческой духовности и мудрости. Вместе с тем поэтические произведения — это совершенно особые памятники истории и культуры. В стихах люди изливают чувства и озвучивают устремления, описывают явления и выражают эмоции. Стихи нередко облекаются в форму песни и танца. Стихи имеют огромное значение в жизни общества. В них отражается музыкальная жизнь народа, выражаются чувства. Кроме того, в стихах представлено бесчётное множество суждений о цели существования, о жизни и судьбе. Поэты размышляют о поэзии и человеке, поэзии и эпохе, поэзии и истории, поэзии и восприятии прекрасного, поэзии и цивилизации, поэзии и природе человека.

5

Что есть поэзия?

Поэзия высказывает устремления, пение продлевает [звучание этого] высказывания («Шан-шу. Яо дьянь» [«Почтенные писания. Канон [о государе] Яо»]).

Когда сердце тронутно скорбью или радостью, изливаются звуки песни. Когда декламируют слова, это называется стихом, если пропевают музыкальные звуки, это называется песней («Хань шу. И вэнь чжи» [«История династии Хань. Библиографический раздел»]).

Поэзия есть декламация чувств (Янь Юй «Цанлан шихуа» [«Рассуждения Цанлана о стихах жанра *ши*»]).

«В чувстве — корень стихов, в словах — ростки, в мелодии — цветы, в смысле — плоды»¹. Сфера поэзии есть соприкосновение чувства и устремления. (Чжу Гуанцзянь «О поэзии»)

¹ Цит. по: Письма Бо Цзюйи к Юань Чжэню (IX в.) (Пер. Л. Е. Померанцевой) / Восток. — 1995. — № 3 (здесь и далее примечания переводчика).

Поэзия — это могучее излияние сильных чувств, но хоть это и верно, стихи на любую тему, представляющие собой какую-то ценность, создавались всегда человеком, не только обладавшим органической чувствительностью, гораздо более высокой, чем обычная, но и размышлявшим долго и глубоко (У. Вордсворт).

В каждом из приведённых определений есть своё зерно истины, но в одном выдающиеся умы прошедших эпох солидарны друг с другом: стихи — это достоверные и вместе с тем эстетизированные памятники человеческой истории.

Китай — страна поэзии. В традиционной культуре Китая поэзия, уходящая корнями в глубокую древность — это драгоценное историческое и культурное достояние, обладающее особым изяществом и исключительным очарованием.

Сопутствующие ходу времени перемены не щадят ничего на своём пути, но *«зелёные холмы стоят, как прежде, всё так же красно солнце на закате»*². Неизменны изобразительная сила поэзии, стихотворные рифмы, прежними остаются само средоточие поэзии, поэтический образ мысли... За несколько тысяч лет, полных исторических изменений, стихи, вопреки течению времени, не лишились своего провозглашающего жизнь сияния, не утратили пестующего душу чувства прекрасного. Познавательная ценность стихов, открывающих для нас завесу прошлого, не померкла в дыму истории, и, несмотря на смену эпох, стихи не потеряли той остроты, с которой они обозревают общество. Через призму поэзии описывая прошедшее и заглядывая в будущее, устремляясь к прекрасному и осмысливая судьбу человека, наблюдая за жизнью и проникаясь страданиями, стихи за свою долгую историю превратились в богатейший культурный, литературный и эстетический источник; и потому поэзия — это совершенно особое постижение истории, это облачённое в ритмичные строки воспевание жизни, это прочувствованное переосмысление человеческой судьбы, это рефлексивное рассуждение об обществе, поэзия пестует душу, вдохновляет и просвещает будущие поколения. Всё это сделало её основным источником, опираясь на который, мы познаем, исследуем, пристально изучаем и экстрагируем историю, наблюдаем за действительностью, воспринимаем и передаём традиционную культуру и создаём новую. Именно поэтому стало возможным само возникновение замысла серии «Китай, воспетый в стихах». При составлении серии мы не остановились на том, чтобы отобрать обычные стихотворные произведения и воздать им должное, мы сделали попытку с помощью поэтических текстов постичь историю, культуру, жизнь людей и тем самым явить иную ипостась культуры

² Цитата из стихотворения Ян Шэня «Мелодия “Линьцзяньсянь”» («Бессмертные у реки»).

Китая. Поэтому, создавая серию «Китай, воспетый в стихах», мы стремились не просто интерпретировать поэтические произведения или эстетически насладиться поэзией и прочувствовать её, мы стремились к тому, чтобы читатели могли, следуя намеченному нами пути, постичь показанные через призму поэзии историю китайской земли и жизнь людей, воспринять никогда не устаревающий дух китайской культуры.

Прежде всего, «Китай, воспетый в стихах» — это попытка показать на материале стихотворных текстов картину общества в культурно-историческом контексте.

В серии «Китай, воспетый в стихах» мы будем вести поиск «глазами поэзии», совершать открытия с поэтической перспективы. Поэзия есть зеркальное отражение хода истории. Мы посмотрим на историю сквозь зеркало поэзии, увидим, как «к востоку движется Великая река», «прилив сменяется и отливом», «вода течёт под маленьким мостом», «под весенним дождём цветёт абрикос». Ведомые стихотворным текстом, мы проследуем по следам истории, совершим поэтическое путешествие сквозь века. Находясь в поэтическом измерении, в пространстве поэзии, мы сможем перенестись в Древний Китай, заговорить с древними людьми, вступить во взаимодействие с самой историей. Политическая нестабильность, «металлические копья и железные кони» войны, беседки и павильоны, песни и танцы, восхваляющие мирную жизнь, монохромная и цветная живопись, передающиеся через поколения образ жизни земледельца-книжника, изысканные яства, самые искренние человеческие чувства, медитация и философия — в ходе нашего поэтического путешествия мы будем внимать тихим напевам прежних дней, проживём случившиеся некогда бурные скачки, поразмыслим над внутренней логикой истории. Мы насладимся глубиной и иносказательностью песен «Гофэн» («Нравы царств»)³, внимательно прислушаемся к отголоскам уже отзвучавших мелодий, подобных силуэтам наших предков, бредущих по полям; проникаясь искренностью и глубиной юэфу⁴, познаем безыскусность и серьёзность народных нравов и обычаев ханьской эпохи; погружаясь в блистательную и многоликую танскую поэзию, увидим пульсирующее сияние благоденствующей и процветающей Великой Тан; постигая заключающееся в сунской поэзии изящество мысли, осознаем глубину культурных принципов эпохи Сун; восхищаясь многообразием поэтических стилей эпох Мин и Цин, проникнемся многоликостью обычной городской жизни.

³ «Гофэн» («Нравы царств») — первый раздел «Шицзин» («Книга песен»), входят лирические народные песни, поражающие своей искренностью и задушевностью. Всего в первом разделе содержится 160 песен.

⁴ Юэфу — жанр традиционной китайской лирической поэзии, возникший в эпоху Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) под влиянием придворной «Музыкальной палаты».

Хотя история есть достояние прошлого, поэтическое описание, прозрение, ощущение, кои мы находим в стихах, от нас вовсе не далеки. Литература, беря начало в самой жизни, возвышается над ней и в этом смысле может помочь нам постичь ту изначальную форму, которая предшествовала «возвышению над жизнью». Поэзия, без сомнения, даёт нам материал для исторических изысканий, который позволяет взглянуть на жизнь, исследовать её и глубже понять. Если вспомнить историю, древнюю и загадочную, вступить в пределы поэзии, можно постичь перекликающиеся чувства, пронизывающие строки *«Утки, я слышу, кричат на реке предо мной, Селезень с уткой слетелись на остров речной... Тихая, скромная, милая девушка ты, будешь супругу ты доброй, согласной женой»*⁵, встретиться с древними, получить прелесть осознания.

Также «Китай, воспетый в стихах» — это попытка через стихотворный текст зафиксировать культуру во всем многообразии её проявлений, досконально понять поэтические истоки культуры, направить читателя к тому, чтобы внимательно вчитаться в культуру, насладиться культурой.

8

Не зная недостатка ни в освещении придворных событий, ни в раскрытии безмятежного и скромного очарования сельской природы, серия «Китай, воспетый в стихах» ярко показывает особенности культуры во всём многообразии. Эта серия стихов поможет читателю окунуться в безбрежный океан поэзии, прикоснуться к миру поэзии в широком культурном контексте, понаблюдать представленные в поэтическом тексте богатую культуру, яркую жизнь человечества, разнообразие опыта и его осмысление и таким образом прочувствовать богатство и многообразие мира. Текстовый план поэтического произведения открытым, но он несёт и скрытый мотив. Остановившись на сокровенных чувствах людей прежних эпох, мы постараемся прочувствовать их любовные переживания, тоску разлуки, горечь потери; устремляя внимание на ритуалы и обряды, поясним описанные в поэзии жертвоприношения в храмах предков, свадебные и траурные обряды, соблюдение старшинства и другие политические и повседневные ритуалы; сосредоточившись на земледелии и чтении, насладимся показанной в стихах радостью от совмещения деятельности учёного с рыболовством, рубкой леса или земледелием; обратившись к еде и питью, покажем воспетые в стихах прекрасные блюда, распробуем вкус Китая; отправляясь в странствие по горам и водам, ощутим показанные в стихах благородство лесов и родников, чувства гор и вод; обратившись к монохромной и цветной живописи, прочувствуем эстетическую глубину подтекста, стоящего за образом живописи в поэзии. В наш объектив попадут раз-

⁵ Шицзин. Книга песен / Пер. с кит. А. Штукина. — М., 1987. — С. 24.

мышления о древности, путешествия, народные обычаи, медитация, танцы и другие темы поэзии, из которых мы выкристаллизуем красоту жизни, увлекательность искусства, философскую мысль.

Немецкий философ М. Хайдеггер в своей работе «К чему поэты?», рассуждая о поэзии Ф. Гельдерлина, отмечал: «К самой сущности поэта, который является подлинным поэтом в эту эпоху, относится то, что в силу сущностной нищеты века состояние поэта и призвание поэта становятся для него поэтическим вопросом»⁶. В этих словах раскрыта культурная миссия, которую возлагает на себя поэт, и сущность поэтичности. Переживания о «состоянии поэта и призвании поэта» не знают ни пространственных, ни временных преград, пронизывая творчество поэтов Запада и поэтов Китая, поэтов древности и поэтов современности. В серии «Китай, воспетый в стихах» мы стремились обозреть Китай духовный, отталкиваясь от мышления поэтичности, и тем самым повысить нашу веру в себя применительно к духовной культуре.

Кроме того, «Китай, воспетый в стихах» — это попытка через стихотворный текст постичь судьбу человека, напитать душу, отдавшись во власть поэзии, изведать человеческую жизнь в её поэтической форме.

Мы стремились к тому, чтобы с чувством и энтузиазмом подойти к чтению стихотворных текстов и постижению показанной сквозь призму поэзии жизни, к тому, чтобы, выразив её живым и изящным языком эссе, дать читателю проникнуться присущими стихотворному тексту многообразными проявлениями выразительности и эстетическими импликациями. В «Ши да сюй» («Великое предисловие к “[Канону] поэзии”»⁷) сказано: «Чувства приходят в движение внутри нас и обретают формы в речах. Если речей недостаточно, [чтобы выразить чувство], то стонут и вздыхают, если недостаточно стонов и вздохов, то скандируют и поют»⁸. В главе «У сэ» («Манифестация формы») «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») также говорится: «У каждого из времён года свой пейзаж, у каждого пейзажа свой облик, чувства [поэта] следуют за сменой пейзажей, слова высказываются вслед за [изменениями] чувств». Поэзия — это голос сердца. Исторический контекст, в котором творил каждый поэт, его устремления и чувства формировали его собственное, отличное от других, осмысление вселенной, природы, человеческой жизни. В каждое стихотворное произведение вложен

⁶ Хайдеггер М. К чему поэты? (перевод, примечания А.Г. Дугина) // Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. — М., 2010. — С. 302.

⁷ «Ши да сюй» — «Великое предисловие к “Стихам” / “[Книге] песен”», сокращение от «Мао Ши да сюй» — «Великое предисловие к “Стихам” / “[Книге] песен” [в версии ученых] Мао». Древнейшее литературно-теоретическое сочинение. Впервые этот текст был введён в корпус древней поэтической антологии «Шицзин» («Книга песен») в редакции Чжэн Сюаня (с. 127–200).

⁸ Перевод И. С. Лисевича.

жизненный опыт человека, который находит выражение и в одухотворённой отстранённости, и в погружённости в материальное, и в глубоко постижении тайн мироздания, и в искусности образов; форма и содержание стихотворного текста, его мелодика и ритм, образность и лейтмотив также передают уникальные для каждого поэта жизненный дух и культурное восприятие. Мы надеемся помочь нашим читателям ощутить тепло древних людей, увидеть их большие сердца, неудержимый талант, непревзойдённый дух, яркие чувства, почувствовать тот великий дух, что зыблется в поэзии.

10

История поэзии есть история души. Поэзия исполнена человеческих надежд, чаяний, мыслей и представлений; в поэзии нашёл отражение жизненный опыт и духовный мир людей, живших в разные эпохи, принадлежавших к разным социальным слоям. Поэзия позволяет постичь те едва уловимые сокровенные чувства, которыми были исполнены сердца древних людей, почувствовать их безмятежно-созерцательную спокойную природу. Сущность жизни проходит через испытания понимания сердцем возвышенного, устремления к далёкому, избавление от суеты мира, оказание благоденствия душе. Нам нет необходимости целенаправленно искать «куриный бульон для души»: обрести покой и осознать, насколько удивительна и многогранна наша жизнь, можно через классическую поэзию. Проникаясь присущими поэзии Су Ши умиротворённостью и глубиной, непредвзятостью и непринуждённостью, мы можем избавиться от душевных страданий и ощущения беспомощности. Поэзия — это пространство, где сияют *«огненные деревья и серебряные цветы»*⁹, это тёплый родной край, в котором *«красные рукава напиваются благовониями»*¹⁰, это пристанище души для несметного числа читателей.

* * *

Раскрыть Китай через призму поэзии — очень увлекательная, но в то же время очень непростая задача. Какие стихотворные тексты выбрать из всего необъятного поэтического наследия, каким образом производить отбор, как и насколько глубоко прокомментировать выбранные тексты — ответы на эти вопросы требуют скрупулёзной сосредоточенности планировщика и предельной вдумчивости аналитика.

⁹ Метафора из стихотворения танского поэта Су Вэйдао «Пятнадцатое число первого месяца», описывающая иллюминацию Праздника фонарей.

¹⁰ Цитата из стихотворения сунского поэта Чжао Янь Дуаня «Бессмертные у Сорочьего моста».

«Китай, воспетый в стихах» — это попытка соединить точки преломления хода истории в классической поэзии в линии, с помощью линий очертить общую картину и затем, следя, чтобы точкам была присуща типичность, линиям — единство последовательности, а общей картине — репрезентативность, соединить всё это в единое целое и таким образом воссоздать Китай прошлого.

Стремясь выразить типичность, единство и репрезентативность конкретных точек, связующих линий и сформированной ими общей картины, для первого выпуска серии мы выбрали девять томов, задающих её содержательную многоплановость: «Ши юй нянь цзе» («Языком поэзии о календарных праздниках»), «Те ма бин хэ» («На боевом коне по льду реки»), «Мин юэ сун цзянь» («Меж сосен яркая луна»), «Жэнь цзянь ю вэй» («Счастье есть»), «Цзя го цин хуай» («О чувствах к родине»), «Син инь тянь ся» («Поднебесная, воспетая в поэзии»), «Цин цзи жэнь шэн» («Жизнь, выраженная в чувстве»), «Гэн ду чуань цзя» («Земледелие и чтение из поколения в поколение»), «Юэ у пянь сянь» («Закружившись в вихре танца»). Каждый том сопровождается предисловием составителя, в котором обозначены лежащие в его основе идея и культурные тенденции, что даёт читателю своего рода поэтическую карту древнего общества и позволяет нам увлечь его в путешествие сквозь границы древности и современности. Для лучшего восприятия тексты написаны в эссеистической манере и представляют собой сочетание стихотворного и прозаического текста с иллюстрациями.

С начала 2013 года вместе с уважаемым господином Ли Хао приступили к планированию порядка составления серии, от общего замысла и написания первого чернового варианта до сегодняшних дней, когда серия готовится к печати, прошло пять лет, пять лет — этот не долгий, но и не короткий срок на «заточку меча», невольно вызывает потрясённый вздох и только вслед за тем искреннюю радость. При составлении серии мы во многом отталкивались от того осознания традиционной культуры, что присущ гуманистам, мы постарались использовать новый литературный угол восприятия, чтобы постичь Китай, каким он предстаёт в поэзии, развернуть длинные свитки, языком поэзии, рассказывающие об истории, культуре и судьбе человека. Для совместного осуществления этой тяжёлой и ответственной задачи мы широко привлекали блестящих отечественных и зарубежных специалистов.

Мы благодарим Главное агентство по печати Педагогического университета провинции Шэньси за планирование и поддержку, за ту масштабную ответственность по распространению культуры, которую его сотрудники взяли на себя, прозорливо уловив её потребности; благодарим составителей каждого тома за глубокое понимание классической поэзии Древнего Китая и огромную проделанную работу; благодарим рецензировавших рукопись специалистов за строгий контроль, ставший

залогом её качества. Только общие усилия сделали возможным издание серии «Китай, воспетый в стихах». Надеемся, что в безбрежном книжном океане читатели ступят на сей челн, дабы постичь Китай и насладиться его очарованием.

«Китай, воспетый в стихах» — о стихах, но в большей мере — стихами о Китае. Обратим же исполненные поэтичности взоры на Китай исторический, древнюю цивилизацию, создавшую блистательные шедевры, и Китай сегодняшний, всё так же пронизанный пленительным очарованием и дыханием весны процветающий Китай!

Сюэ Баоцинъ
Академия Шоуян

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ГОВОРЯТ, ЧТО ХРОНИКИ И ДНЕВНИКИ хороши для описания настоящего, в то время как проза и поэзия — для описания прошлого, ведь проза и поэзия обладают более сильным восприятием времени. Пытаясь найти и интерпретировать опыт прошлого, мы стремимся вернуть знакомое нам душевное состояние. Я не думаю, что таким образом мы хотим вернуться к старому, это душевное состояние означает лишь поиск времени, которое уже далеко-далеко от нас, оно позволяет нашему сердцу избежать беспокойства и страха перед странностью нового и неизведанного. Эта книга была написана не для того, чтобы вызвать ностальгию у читателей, а для прояснения нашего наследия посредством возвращения к культурным истокам, тем самым мы сможем укрепить уверенность в будущем.

13

Мы знаем, что, начиная с «Ши Цзин», и в «Чу цы», и в Ханьских *фу*, *юэфу*, и в произведениях, написанных в парном стиле, и в поэзии архаического стиля, и в танских стихах, сунских цы, юаньской драме и прозе династии Мин, вхождение новых элементов создавало новые литературные стили, однако в высказывании заветных желаний, воспевании природы, традиций и прославлении чего-то или кого-то, «лиризм» всегда присутствовал в китайской литературе, а особенно, в поэзии. Китайцы склонны к лирике и чувствам, оба этих понятия слились с кровью людей, а одиночество «*страданий ради чувств*» стало особенностью китайской поэзии.

Именно поэтому древние китайские стихотворения пронизаны настроением, берущим начало из любви. «В гусях 50 струн, каждая струна напоминает мне о юности», — поэт Ли Шаньинь превратил любовные речи в прекрасные поэтические строки, повествуя нам о сильных чувствах, которые подобны следующей строке: «*Лишь когда шелкопряд умрет, нити прекратятся; лишь когда свеча превратится в золу, высохнут слезы*». Нежный Цуй Ху был в поисках «*лица красавицы и персика цветка*» и влюбился в случайно встреченную девушку с ямочками на щеках. Эти чувства неопределенности озарили древний путь за городом Чанъань, а «*Смех принцессы, скачущей верхом на лошади по красной пыли*», унесло эхом в небо династии Тан. Невиданная нежность императора процветающей династии была запечатлена в непрерывно тянущихся горах Башань.

Другим основным мотивом древней китайской поэзии является дружба. Попробуем себе представить, что, если бы не было следующего высказывания *«Настоящий друг близок даже в том случае, если находится очень далеко»*, тогда и стихотворение «Столица Чанъань охраняет три княжества» не имело бы такого глубокого смысла; если бы не было строчки из стиха Гао Ши: *«Не стоит волноваться, что в будущем не будет близких друзей»*, тогда Дун Тинлань не мог бы наслаждаться славой — *«Кому неизвестно имя твое?»*, к тому же этот мастер игры на цине округа Лунси не стал бы настолько знаменитым; если бы не было строчки *«десять ли персиковых цветков, тысячи виноделен»*, то сейчас бы в цветущих персиковых рощах не было бы такого своеобразия. Дружба поэта представляет из себя синтез настоящих и глубоких чувств, которые переплетаются в поэтических линиях и отражают чувства того времени в историческом аспекте.

Однако любовь и дружба для древних поэтов являлись лишь средством выражения чувств по отношению к собственной родине. Эти чувства заставляли людей не только совершенствовать себя, но и приносить пользу стране, что отражается в высказывании: *«Ученые не теряют своей доброты и праведности, когда они бедны. Ученые не отклоняются от морали, когда они проявляют себя»*, при этом чувства наполняли жизни людей положительной энергией.

«Я бы хотел спросить всех людей в этом мире, что же такое любовь? Что заставляет двух диких гусей и в жизни и смерти следовать друг за другом?» (Юань Хаовэнь «Моюйэр. Яньцюцы». «Моюйэр»¹¹. Слова на месте захоронения дикого гуся»). И в жизни, и в смерти люди любят и ненавидят, а это значит, что слово «чувство» всегда присутствует в нашей жизни для всех людей, кроме монахов, отрекшихся от мирской жизни. Можно воспринимать поэзию как чувства или чувства как поэзию, такое восприятие — высшая похвала поэту. Круговорот мирских дел и смену окружающих условий поэты сводят к слову «чувство», и это, несомненно, является самым гуманным обобщением человеческой жизни. Чувства всегда стремятся к освобождению человеческих эмоций. Интерпретация, уважение чувств и преклонение перед ними проходят историю человеческой цивилизации, делая каждый этап исторического развития более контрастным. Так, существование любви в супруже-

¹¹ Моюйэр — название мелодии для музыкального исполнения стихов жанра цы.

стве — это различие между первобытностью и цивилизацией; если один человек любит другого, то появляется различие между отсталостью и прогрессом.

Историю поработили чувства, но то, что освободило человечество, тоже было чувствами. Таким образом, устремления, которые люди преследуют в процессе развития цивилизации, нужны для того, чтобы растолковать слово «чувства». Ведь на основе уважения чувств оценивается добро и зло, красота и уродство; на основе толкования чувств проясняются границы хорошего и плохого; на основе выражения чувств определяются критерии оценки искренности и нечестности.

Поэтому все устремления в области прав человека, которые люди постоянно преследуют в процессе развития цивилизации, всегда заключаются в толковании слова «чувств».

15

Предисловие «Шицзин» в передаче Мао Хэна начинается со следующих строк: *«Поэт там, где его стремления. Стремления и чувства поэта исходят из сердца, а выражаются в стихах»*. Данными словами автор определяет основное направление выражений чувств и стремлений в поэзии.

Конечно, чувства, передаваемые в стихотворении, — это чувства самого поэта, его эмоции, настроения, желания. Все это можно назвать человеческими чувствами или чувствами, направленными на других людей. Ими являются любовь, дружба, родство, тоска по дому, а также гордость, восторг, любовь, печаль и так далее. Естественное проявление вышеописанных душевных состояний и является сутью данной книги.

ГЛАВА 1

Пафос

*Пафос
тысячелетнего
рисового вина*

Мужество поэта и умение владеть мечом берет начало из соблюдения культурных ценностей. А такие строки героических стихотворений как: *«Надеюсь я, что меч на поясе моем, мир установит на границе, и подвиг совершит для государства»* или *«Дух благородства будет вечно витать над останками воина павшего»* свидетельствуют о том, что каждый поэт, не смотря на свою слабость и уязвимость, обладает несгибаемым и гордым характером.

Сердце одинокого поэта Чэнь Цзыана¹² полно тревог и героических стремлений, но его чувства и думы не чужды другим выдающимся поэтам, поэтому строчка стихотворения *«Вижу печальную песнь возвращающихся гусей»* стала идеалом скорби и разочарования великих людей. Не менее важным является то, что пафос, раскрытый в строках стихотворений, также прячется в «ДНК» китайской культуры, передаваясь из поколения в поколение.

¹² Чэнь Цзыан (661–702) — поэт династии Тан.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЛНА УДОВОЛЬСТВИЙ Поэзия и вино как ритм процветающей династии Тан

«ВИНО В ЖЕЛУДОК ПОЭТА ВТЕКАЕТ, семь десятых вина лунный свет порождает, остается лишь треть, что в воинственный дух превращает, прекрасные уста поэта в век золотой вещают» (Юй Гуанчжун¹³ «Сюнь Ли Бай». «В поисках Ли Бо»).

Современный поэт Юй Гуанчжун принимал Ли Бо за прообраз, и с помощью стихов, вина и пафоса он создал для нас образ поэта древности. Свобода пьяной жизни и дерзость мечей сосредоточены им в лунном свете, тем самым он создает романтическое и свободное настроение, которое заставляет нас неизбежно предаваться чтению этих стихов.

Хотя Китай — не единственная страна, в которой существует содружество стихов и вина, но именно здесь история этих понятий почти так же длинна, как и история самой цивилизации. Особенно во времена династии Тан в широкой интерпретации поэтов написание стихотворений и распивание вина стали своеобразным культурным ландшафтом этой эпохи.

Существуют два материальных представителя эпохи процветания династии Тан, первый — это вино, а второй — пейзаж. Густой аромат вина, распространяющиеся винные пары и ничем не скованное настроение опьянения придают той эпохе непередаваемый пафос. А пейзаж — это синтез чувств, эмоций и настроения. Сочетание двух этих понятий создает образ эпохи процветания, полный весеннего колорита, что превращает развивающуюся династию, впитавшую в себя лучи восходящего солнца, в живое существо. Вино и пейзажи — лучшие сюжеты для стихотворений.

Говорят, что поэзия династии Тан состоит из двух противоположностей — таланта и одиночества. Однако талант и одиночество — это лучшие друзья вина. Они часто появляются из-за вина, а выходят в свет посредством стихотворений, которые прячутся в пейзажах династии Тан, скрываются среди народа, выражая изящный облик процветающей эпохи.

Бо Цзюйи¹⁴ говорил: «Развлечения и вино приносят не меньше радости, чем поэзия» («Ицзя жусиньчжай». «Переезд в новое жилище»).

¹³ Юй Гуанчжун (1928–2017) — тайваньский поэт.

¹⁴ Бо Цзюйи (772–846) — поэт династии Тан.

Цюань Дэюй¹⁵ говорил: *«Наслаждаясь цветами, рождайте стихи, а за пьяниц не беспокойтесь»* («Простые думы о сосуществовании общества и весеннего равноденствия двадцать седьмого числа второго месяца»). Гэ Цзинчунь¹⁶ сказал, что *«поэзия — это сущность вина, а вино — это посредник поэзии»* («Шицзю фэнлю фухуачжан». «Танши юй цзю». «Произведение в стиле Фу о поэзии и вино». «Танские стихи и вино»). И в этом есть своя правда. Есть и такое изречение: *«Без стихов вино неприглядно, без вина стихи недушевы»*, что объясняет взаимозависимость двух этих понятий.

Вино рождает вдохновение так искусно, словно волшебник. Как говорилось в древности: *«Пока вино кишечник огибает, стихи и мысли во Вселенной пусть витают»* (Ян Чэн¹⁷ «Наньсюй чуньжи хуайгу». «Воспоминания о весне в Южном Сюй»). Как только вино входит в желудок, оно совершает девять изгибов и восемнадцать поворотов, а затем в голове поэта рождаются мысли, которые начинают блуждать во Вселенной. Мысли летают вверх и вниз между горами и реками, при этом такие картины, как простота звезд и Луны, увядание и расцвет трав и деревьев, изменение людской жизни и человеческих отношений, ярко предстают нашему взору. В один момент белоснежные горы начали извиваться в танце, словно серебряные змеи, а равнины стали похожи на табун несущихся слонов. Все сущее пришло в движение, словно опьянев. *«Пусть злые и добрые духи сохраняют свою потусторонность, а Солнце, Луна и Звезды свой порядок»* (Чжуан-цзы¹⁸ «Чжуан-цзы. Тяньюнь». «Чжуан-цзы. Небесное спокойствие»), поэт уже *«заполнил форму пустотой»*, и мир стал не таким, каким был обычно.

Образы вина — это необузданное, страстное, мятежное освобождение жизни и характера человека, это выражение духовной свободы, что также является характерной чертой Танской поэзии. Романтика золотого века Танской поэзии, возвышенность и свобода дали поэтам возможность стать частым гостем не только винных лавок, но и царства пьяных грез. С помощью крыльев вина поэты воспарили в период духовного

¹⁵ Цюань Дэюй (759–818) — поэт династии Тан.

¹⁶ Гэ Цзинчунь (род. 1944) — современный исследователь Танской литературы.

¹⁷ Ян Чэн (годы рождения и смерти неизвестны) — поэт династии Тан.

¹⁸ Чжуан-цзы (369–286 гг. до н. э.) — основоположник философии даосизма, автор одноименного даосского трактата.

раскрепощения. Стихи, вино и династия Тан стали классическим сочетанием, которое существовало тысячу лет назад.

Для Танских поэтов вино стало активатором поэзии, а поэзия — деликатесом, который хорошо подходит к вину. Цвет и аромат вина капля за каплей вливались в поэзию, порождая такие поэтические образы, как *«Жемчужный дворец с башней из пурпурных раковин»*. Для китайцев попробовать на вкус поэзию означает почувствовать вкус вина. Стихи, как и хорошо выдержанное вино, наполняют душу человека чистой и терпким вкусом.

«Разве мы не должны не только лечить старые болезни, но и создавать новые стихи?» (Яо Хэ¹⁹ «Цицзю» «Винный попрошайка»), здесь все берет начало из вина. Строка *«В свободное время выпиваем, неторопливо ведем разговор, а напившись, декламируем стихи»* (Бо Цзюйи «Навестил с вином и рыбой помощника начальника уезда Пан во время болезни») отображает не только праздную жизнь поэта, в которой он пьет вино и пишет стихи, но и жизнь, в которой он, *«напившись, очнулся; очнувшись, стихи прочел и снова выпил; а напившись, вновь читал стихи, и так по кругу»* (Бо Цзюйи «Цзуйинь сяньшэн чуань»). «Пьяный господин, распеваящий песни»), именно эти строки и являют собой типичную картину процветания эпохи Тан.

Так что же из себя представляет золотое время династии Тан? Изучая данный вопрос с политической, экономической, культурной и прочих точек зрения, можно найти огромное количество статистических данных, однако ими будет очень сложно описать состояние «великолепия» того периода. Я совершенно согласен с мнением Юй Цзюя²⁰, который считает, что золотой век династии Тан — это душевное состояние. Он говорил: *«Золотой век Танской поэзии — это духовная свобода, обретенная после освобождения от контроля монизма, это радость творческого духа, это концентрация высоких эстетических стандартов, это слияние и в то же время сохранение мирового культурного многообразия»*.

В свою очередь, Ли Бо²¹ говорил: *«Три кубка дайте мне сейчас, — и я пойду в далекий путь. А дайте доу выпить мне, — сольюсь с природой как-нибудь»* («Юэя дучжоу сы шоу, стих второй. «Под луной одиноко

¹⁹ Яохэ (777–843) — поэт династии Тан.

²⁰ Юй Цзюй (род. 1946) — современный китайский писатель.

²¹ Ли Бо (701–762) — поэт династии Тан.

пью, четыре стихотворения, стих второй», пер. А. Гитовича), в этой строке тоже содержится понимание эпохи процветания династии Тан. По мнению поэта, «единство человека и природы» — это наивысшее проявление духовного мира. Поэтому можно сказать, что процветание династии Тан держится именно на союзе стихов и вина.

Поэтому период расцвета династии Тан никак не мог обойтись без вина. Именно вино породило непринужденный поэтический стиль, а династия Тан приобрела вид подвыпившего гуляки. Поэты поили себя и свои стихи, пропитав тот период времени запахом вина. *«Помыслы старого бражника обращены не к вину, а к тому, чтобы жить среди гор и ручьев. Но радость жизни среди гор и рек исходит как от сердца, так и от вина»* (Оу Янсю²² «Цзуйвэн тинцзи». «Записки старого бражника»). Одержимость вином поэтов династии Тан повлияла на известных литераторов последующих эпох, среди них Оу Янсю — поэт династии Сун, который считал, что опьянение — это нормальное состояние для человека, занимающегося творчеством.

В древности люди говорили: *«Смотреть на цветы в неполном цветении; выпить, но лишь слегка опьянеть»*. Это означает, что смысл распивания вина заключается в легком опьянении, однако это легкое опьянение не приносит с собой удовольствия и отваги. Но следующие строки не говорят о том, что поэты лишь вели праздную жизнь и владели бесцельное существование, они передают их опыт, полученный в эру процветания эпохи Тан: *«Достигнув жизни счастья, испей его до дна, пусть полон будет кубок под молодой луной»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой); *«Я помню, как пил до и после цветения, пил при яркой луне в далеком небе»* (Тан Яньцзянь²³ «Цзю саньшоу». «Посылаю другу, третье четверостишь»); *«Кто помнит день и ночь, когда танцует пьяный»* (Лю Цзя²⁴ «Сяо Тао»); *«Мне небом дар отпущен, чтоб расточать его. Истраченным богатством я овладею вновь»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой). Эти поэты совершали жертвоприношение с возлиянием вина, а, опьянев, любовались искусством владения мечом. Все свои глубокие чувства и эмоции они переживали во хмелю, озарив Танскую поэзию ореолом процвета-

²² Оу Янсю (1007–1072) — поэт династии Северная Сун.

²³ Тан Яньцзянь (? –893) — государственный деятель, поэт династии Тан.

²⁴ Лю Цзя (годы рождения и смерти неизвестны) — поэт династии Тан.

ния, соединяя Сунские цы с мелодией, выражая прекрасные мысли с помощью вина.

Горы и реки, дружба и вино являются основными поэтическими темами, представленными Ли Бо, они были оставлены поэтом для поэтов последующих поколений в качестве символа процветающей династии Тан. Бокал слабого вина делает пестрые горы и реки более красивыми; бокал крепкого вина делает горячую дружбу еще крепче; бокал хорошего вина превращает независимость гения поэзии, одиночество и тоску по дому странствующего рыцаря в звуки песни. Следующие строки передают особую беззаботность: *«Истраченным богатством я овладею вновь»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой); «Однажды не смог к Сыну Неба явиться: совсем не стоял на ногах» («Ду Фу²⁵ «Иньчжун басын гэ». «Песнь о “восьми снях винопития”», пер. Б. Мерещякова). А романтика строк *«Но в собутыльники луну позвал я в добрый час»* (Ли Бо «Юэся дучжо сышоу», стих первый. «Под луной одиноко пью, четыре стихотворения, стих первый», пер. А. Гитовича) и смелость — *«Вот быстрый конь, вот новый плащ, — пошлем слугу-мальчишку, пусть обменяет их»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой) превращают поэта в легенду.

Ли Бо говорил: *«Если хозяин как следует выпьет со мной, то мне уж неважно, куда я попал — на чужбину или в край свой родной»* («Кэчжунсин». «В дороге»). Династия Тан предоставила поэту землю для путешествий, а поэт оплатил ей за это своими стихотворениями. Опыление и наслаждение вином выражают познание свободы на собственном опыте. Когда поэт пьян, вкус его жизни становится более насыщенным. Если бы Су Ши²⁶ не написал следующие строки: *«Жизнь похожа на сон, давайте же свершим возлияние вина на реку, отражающую Луну»* («Няньнуцзю²⁷. Чибь хуайгу». «Няньнуцзю. Ностальгия у красных скал»), тогда наши чувства к быстрому течению времени не были бы настолько полными. Если бы не романтический опыт, полученный от прочтения строк Ли Бо: *«Но в собутыльники луну позвал я в добрый час, и тень свою я пригласил, — и трое стало нас»* («Юэся дучжо сышоу, стих первый. «Под луной одиноко пью, четыре стихотворения, стих первый»,

²⁵ Ду Фу (712–770) — поэт династии Тан.

²⁶ Су Ши (1037–1101) — поэт династии Северная Сун.

²⁷ Няньнуцзю — мелодия для исполнения произведений жанра цы.

пер. А. Гитовича), то тогда прекрасный лунный свет потерял бы свою яркость, не имея возможность озарить горы и реки серебристой ртутью, разливающейся по земле, а наши чувства остались бы невыраженными. Если бы не было широты и свободы, выражающихся в следующих строках: *«Прекрасного вина я выпью десять тысяч доу»* («Синлунань саньшоу», стих первый. «Трудный путь, три стихотворения, стих первый»); *«Сейчас же надо выпить заздравных триста чаш»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой), то тогда вино было бы всего лишь соединением воды и алкоголя.

«Пей и веселись, жизнь коротка!» Поэты полностью раскрыли взаимосвязь вина и стихов в своих произведениях. Поэтому Бо Цзюйи выражал следующие мысли: *«Мирские дела отбросить бы прочь, оставив вино и стихи»* («Дуй цзюсяньинь цзэнтун лаочжэ» — «Дарю старику, с которым вместе распивали вино и пели песни»), а Ли Бо написал данные строки: *«Так повелось издревле — безмолвны мудрецы, лишь пьяницы стремятся прославиться в веках»* (Ли Бо «Цзянцзиньцзю». Поднося вино», пер. А. Ахматовой). Вино и стихи, стихи и чувства без конца порождают друг друга.

В глазах Ду Фу существует восемь человек, которые наилучшим образом могут представить образы поэзии и вина. Они ценят спиртное как свою жизнь и выпивают в огромных количествах. При этом, чем больше вина они пьют, тем лучше становится их литературный стиль. В этих людях есть особое дарование, гордость и уверенность в себе. Их можно назвать самыми вольными среди мудрецов, самыми безмятежными среди благородных людей, самыми неукротимыми среди просвещенных. Люди эти пьют, не зная ни меры, ни границ. Среди пьяниц их можно считать самыми учеными людьми, поэтому им присвоили высокое звание «восьми бессмертных пьяниц»²⁸:

*Чжичжан как-то ехал хмельной на коне,
качаясь, как лодка, на сильной волне,
В глазах зарябило, — свалился в колодец
и выпался в луже на дне.*

²⁸ Восемь бессмертных пьяниц — восемь ученых мужей эпохи Тан, известных своей любовью к вину.

Жуян, лишь три доу осушив на пиру,
на утренний смотр спешил ко двору;
Повозку с вином по дороге увидев,
вздыхнул: «Дай хоть слюни утру!»
В уезд Винный Ключ он хотел бы давно
удел передвинуть, — да, жаль, не дано.
Цзосян десять тысяч монет ежедневно
кабатчику шлет за вино;
Без усталы пьет, не пьянея ничуть,
сто рек он бы смог, словно кит, заглотнуть,
«Весёлым Святым» полнит чарку за чаркой,
давая «Достойному» путь.
Цзунчжи — юный гений — наружностью мил,
свободу любя, о карьере забыл;
На синее небо он с кубком воздетым
белки своих глаз обратил
И яшмовым деревом в вешнем соку
сияет, подставив себя ветерку.

Су Цзинь то постится под образом Будды,
что вышит на тонком шелку,
То спьяну бросается в гущу грехов,
забыв наставления духовников.
Ли Бо, выпив доу, сейчас же напишет
хоть сотню отменных стихов;
Всё время в Чанъаньских кутит кабаках, —
то пьёт, то в хмельных забывается снах;
Однажды не смог к Сыну Неба явиться:
совсем не стоял на ногах,
Посыльным же молвил, с трудом говоря,
что де «винным сянем» зовется не зря.
Чжан Сюй с третьей чарки душой воспаряет,
«письмо травяное» творя,
Сам простоволос, церемоний не чтит,
в присутствии ванов и гунов сидит,
Лишь кисть насочит, — и она по бумаге,
как вещая птица, летит.

Цзяо Суй, как-то выпив пять доу на круг
и в ужас повергнув гостей на пиру,
Вдруг речь произнёс о «высоком и вечном»,
сразив всех сидящих вокруг.

(Ду Фу «Иньчжун баян гэ». «Песнь о «восьми сянях
винопития», пер. Бориса Мерещякова)

Первый пьяница — Хэ Чжичжан²⁹. Ду Фу писал о том, что, выпив, Чжичжан едет на коне, раскачиваясь из стороны в сторону. При этом он упал в колодец и даже сам не понял, что произошло. Но самое смешное, что в этом колодце он и уснул. Слово «спать» не только избавляет нас от беспокойства о падении поэта на дно колодца, но и углубляет понимание его алкогольного состояния.

Второй бессмертный пьяница — это Ван уезда Жуян по имени Лицинь, являющийся родней императору. Его мужество после питья вина выражается в следующих строках: «*Лишь три доу осушив на пиру, на утренний смотр спешил ко двору*».

Ли Цзинь³⁰ — старший сын Ли Чэнцы. Во время правления Жуй-цзуна³¹ его отец уступил титул наследника престола Ли Лунци³². Ли Цзинь вел себя почтительно, не заводил дурных знакомств, считался великим благодетелем, который поддерживал Тан Сюань-цзуна, также поэт оставил за собой интересную историю. По факту Ли Цзинь был выше Ли Лунци по системе кровной преемственности старшего сына, поэтому в том, что Ли Цзинь выпил немного вина и отправился на аудиенцию во дворец не было политической направленности. Его бы не начали подозревать в непочтительности к императору, ведь вся династия Тан имела слабость к вину. Но Ли Цзинь, «повозку с вином по дороге увидев, вздохнул: “*Дай хоть слюни утру!*”». По-видимому, он был тем «заядлым выпивохой», который не мог вытерпеть и минуты без вина, иначе его бы не посещали мысли о том, чтобы перенести свой удел в «Винный ключ». Кажется, мечтой его было жить в винном погребе и умереть в озере вина.

²⁹ Хэ Чжичжан (659–744) — поэт династии Тан.

³⁰ Ли Цзинь (?–750) — племянник Тан Сюань-цзуна, поэт династии Тан, один из «восьми винных сяней».

³¹ Жуй Цзун — император династии Тан в 684–690 гг. и 710–712 гг.

³² Ли Лунци — личное имя императора Тан Сюань-цзуна (правил с 712 по 756 г.).

Следующим бессмертным пьяницей является Ли Шичжи³³, первый советник при дворе, который, как и все люди северо-запада, ел мясо большими кусками и пил вино огромными чашами. В то время было немало людей, пристрастившихся к вину, но Ли Шичжи был единственным в своем роде, ведь он всегда мог найти хороший повод для выпивки. Он говорил, что, поднимая бокал, он «дает Достойному путь» и твердо идет по стопам предшественников, таким образом он выражал свое благородство и душевную чистоту. Но в глубине души Ли Шичжи был недоволен тем, что Ли Линьфу³⁴ завладел делами управления государством.

Далее Ду Фу описывает несколько выдающихся и блестящих мужей. Цуй Цзунчжи³⁵ можно назвать талантливой личностью. Под действием алкоголя он «яшмовым деревом в вешнем соку сияет, подставив себя ветерку». А Су Цзинь³⁶, несмотря на то, что «постится под образом Будды», так еще и «спьяну бросается в гуцу грехов, забыв наставления духовников», заменяя веру, которой посвятил себя и всю жизнь, коротким мигом опьянения и веселья. Словно желая испытать чувства, выраженные в следующих строках: «Ожидание всей жизни, променял на мгновенный момент красоты», а также «Мимолетная встреча в месяц Белых рос лучше длинной жизни нелюбящих друг друга супругов» (Цинь Гуань³⁷ «Цюэцясянь» «Сорочий мост»), он считал, что это и есть одержимость, увлеченность ослепленного страстью, чрезмерное увлечение, которое доходит до крайности. Поэт с помощью другого способа выразил внутренний смысл своих чувств: «Как много чувств можно испытать за одну ночь, если сравнить эти мысли с дальней дорогой на край земли, дорога эта покажется не такой далекой» (Чжан Чжунсу³⁸ «Яньцзылоу ши, саньшоу», стих первый. «Ласточкина башня, стихотворение третье, стих первый»). Чжан Сюй³⁹ был известен в качестве «выдающегося каллиграфа в стиле цаошу», но его гениальная скоропись проявлялась только под

³³ Ли Шичжи (694–747) — придворный чиновник, поэт династии Тан.

³⁴ Ли Линьфу (683–753) — первый министр династии Тан.

³⁵ Цуй Цзунчжи (годы рождения и смерти неизвестны) — танский историограф, один из восьми винных сяней.

³⁶ Су Цзинь (676–734) — поэт династии Тан, один из восьми винных сяней.

³⁷ Цинь Гуань (1049–1100) — поэт династии Северная Сун.

³⁸ Чжан Чжунсу (769–819) — поэт династии Тан.

³⁹ Чжан Сюй (675–750) — каллиграф династии Тан.

действием алкоголя. Он никогда не ограничивал себя в распитии вина, а, напившись, кричал, словно помешанный, снимал шапку и в воздух ее бросал, а затем макал кисть в тушь и начинал писать. Отрезвев, Чжан Сюй уже и сам не знал, как он смог написать такой шедевр. Выходец из простого народа, Цзяо Суй⁴⁰, тоже оказался среди восьми бессмертных пьяниц. Выпив пять доу вина, он показывал себя в ораторском искусстве. Говорят, что истина находится в вине, а Цзяо Суй это доказал на своем примере. А у Ду Фу есть и такие строки: *«Люди всегда находятся в поисках прекрасной фразы, и пока я ее не напишу, не будет мне покоя»* («Цзяншан чжишуй жухай шилиао дуаньшу». «На реке, бурлящей, словно море, выражаю свои мысли»). На мой взгляд, последняя строчка была бы лучшей оценкой, которую можно было дать Цзяо Сюю.

Конечно, описывая восемь бессмертных пьяниц, не обойтись и без Ли Бо. По словам Ду Фу, Ли Бо, *«выпив доу, сейчас же напишет хоть сотню отменных стихов»*. Нет смысла изучать, сколько литров содержится в доу, можно только сказать, что это огромная винная чарка. У человека, выпившего такую чарку, тут же поднимается настроение и приходит поэтическое вдохновение. Хотя люди любят бахвалиться, напившись, но строка: *«Однажды не смог к Сыну Неба явиться: совсем не стоял на ногах»*, не описывает обычное состояние Ли Бо, правильнее будет рассматривать эту строку как описание пьяного состояния поэта. Представьте себе, если бы вы встретились с большим пустословом, то хватило бы у вас терпения поддерживать его в бахвальстве и восхвалять его? Зачем же Ли Бо прибыл в Чанъань, да еще и пришел к дверям дома девушки (принцессе Юй Чжэнь), надеясь выполнить служебное поручение и показать себя? Несмотря на его великое бахвальство, поэт также обладал немалым героизмом и храбростью, что отображается в наречении себя «гением вина».

Картина восьми пьяниц, представленная Ду Фу, является иллюстрацией к описанию расцвета династии Тан. Герои стихотворения не только безудержно пили, но также и не соблюдали ритуалы. Почитание монарха является важным принципом управления государством по конфуцианским канонам, ведь это делалось не только для благополучия страны, но и для совершенствования себя. Поэтому на протяжении многих эпох никто не осмеливался переходить границы дозволенного.

⁴⁰ Цзяо Суй (годы рождения и смерти неизвестны) — поэт династии Тан.

Только династии Тан удалось освободиться от оков монизма конфуцианского учения, ведь общественно-экономическая формация должна была соответствовать разнообразию культурного окружения. Только при таких условиях можно было возвыситься, принизив монарха. Следующие строки являются юмористическим представлением данной философии: «Жуян, лишь три доу осушив на пиру, на утренний смотр спешил ко двору» (Ду Фу «Иньчжун басын гэ». «Песнь о “восьми сянях винопития”»). Но более важным является то, что такого рода стихотворное подшучивание не означает, что поэт пытается разжечь бунт, более того, никто не заподозрит Ли Цзиня или Ли Бо в неуважении к императору. При этом стихотворение Ду Фу является не единственным примером. Ли Бо в своем стихотворении «Цзэн Мэн Хаожань». «Посвящаю Мэн Хаожаню⁴¹», с помощью следующих строк оценил Мэн Хаожаня: «Темной ночью при яркой луне поэт забылся в вине, в эту ночь он так закутил, что про службу напрочь забыл». Очевидно, что во времена династии Тан было немало таких пьяных храбрецов.

Активные и совсем не ленивые чиновники прошли «испытание алкоголем», став опорой государства. Большинство высокопоставленных чиновников ежедневно распивали вино, но при этом политические достижения каждого чиновника были достаточно выдающимися. С помощью их примера эпос вина влился в историю. Проследив до истоков, мы знаем, что Танская династия дома Ли началась с Ли Юаня, в кровном родстве с которым прослеживается половина северных инородцев⁴². Но так как предки Тан Гаоцзуна по материнской линии были *сяньбийцами*⁴³, ген северных народов уже глубоко сидел в его крови. Поэтому привычка танцевать и пить вино имела глубокие культурные корни во времена династии Тан. В те времена в воздухе парили ароматы вина, а солнце и луна всегда были во хмелю. Казалось бы, что за пристрастием к алкоголю должны были последовать общественные беспорядки и разложение нравов людей. Однако переживать за это было бы излишним. Жители династии Тан были пьяны, но общество было на удивление трезвым. Люди жили в мире и спокойствии, а Ду Фу говорил: «Рис гладкий и белый, а общественные и частные хранилища богаты и плодородны»

⁴¹ Мэн Хаожань (689–740) — поэт династии Тан.

⁴² Северные инородцы — общее название для сюнну, татар, монголов, тюрков.

⁴³ Сяньбийцы — одно из древнемонгольских племён.

(«Иси эршоу», стих два. «Обращение мыслями к прошлому, два стихотворения», стих второй).

Согласно статистическим данным, преобразованная в ВВП экономическая ситуация того времени составляла одну четвертую мировой экономики, при этом количество продовольственных запасов почти соответствовало нынешней ситуации, а людей, которые подвергались смертной казни ежегодно было только около 29. Эти цифры точно описывают реальную обстановку династии Тан. В то время люди жили в достатке, существовала социальная стабильность. Таким образом, миф об искусстве «винных стихотворений» вышел на передний план истории, при этом «количество алкоголя» в поэзии династии Тан было больше, чем в другие исторические периоды.

Если бы во времена династии Тан ввели запрет на алкоголь, то Танские стихи не были настолько романтическими. Если бы поэты не испытывали переживания истинных чувств, то мы смогли бы увидеть лишь бутоны, увядающие на палящем солнце, а не прекрасные распустившиеся цветы. Но, к счастью, бутоны поэзии процветающей династии Тан не завяли.

РАДОСТЬ ЧИСТОГО ВИНА

Бессмертный среди поэтов лучше всех распевает стихи

Ли Бо был не только бессмертным среди поэтов, но и гением вина. Его героические чувства в основном исходили из вина, делая его стихи дерзкими и яростными. Его жизнь ежедневно орошалась вином: *«В жизни моей тридцать шесть тысяч дней, каждый день выпиваю по триста кубков вина»* («Санъянгэ» «Санъянская песнь»), а строки *«Три кубка дайте мне сейчас, и я пойду в далекий путь. А дайте доу выпить мне, — сольюсь с природой как-нибудь»* явили поэту озарение и истинное знание («Юэся дучжоу сы шоу, стих два». «Под луной одиноко пью, стих два», пер. А. Гитовича), поэтому он яростно выступал за распитие вина: *«Так повелось издревле — безмолвны мудрецы, лишь пьяницы стремятся прославиться в веках»* («Цзянцзиньцзю». «Поднося вино», пер. А. Ахматовой). А другие строки описывают обычную жизнь поэта: *«О, если б небеса, мой друг, не возлюбили бы вино, скажи — Созвездье Винных Звезд могло ли*

быть вознесено? О, если б древняя земля вино не стала бы любить, скажи — Источник Винный мог по ней волну свою струить? А раз и небо, и земля так любят честное вино — то собутыльникам моим стыдиться было бы грешно» («Юэся дучжоу сы шоу», стих два. «Под луной одиноко пью, четыре стихотворения», стих второй, пер. А. Гитовича). Поэзия опирается на радость от выпитого вина, а вино склоняет к поэтическому настроению: «Я стихи написал под весельем вина, всколыхнулись священные горы; а их радостный дух улетел за дальнее море» («Цзягшанинь». «Читаю стихи на реке»). Для поэта поэзия и вино были взаимосвязаны, одно нельзя было отделить от другого.

Вино и стихи делали жизнь Ли Бо интереснее и ярче, в вариациях вина и стихов поэт открывает для нас новые чувства. Во время брожения вина жизнь поэта, его вселенная, увиденные им пейзажи становятся обновленными, поэтому и стихи тоже меняются, обновляясь. Совершенно новые чувства, новые выражения и пейзажи беспрестанно удивляют нас в стихотворениях Ли Бо. Мы никогда не видели мест, которые описывает поэт, никогда не представляли себе подобных пейзажей, при этом он использует такие неожиданные слова и выражения, какие никто бы не додумался использовать. Вино заставляет путешественника идти без усталости, поэтому поэт говорил: «Людей разделяют тысячи километров, а радость таится лишь в одном бокале вина». («Цзянся бе сунчжити». «Провожая брата Сун Чживэна в Цзянся»). Кажется, что дорога — это стиль его жизни, каждый день он гонится за чем-то неизвестным, с чем еще не сталкивался, и именно это побуждает его сливаться с душами незнакомцев. Сила, которая гонит его в чужие края, — это стихи, поэт говорил: «Если хозяин как следует выпьет со мной, то мне уж неважно, куда я попал, — на чужбину или в край свой родной» («Кэчжунсин». «В дороге»).

Существует много легенд о пьянстве Ли Бо, самая известная из них это: «Император вытирает рвоту, красавица варит суп от похмелья, а Лиши снимает сапоги». Речь идет о случае, в котором однажды Ли Бо перебрал с алкоголем и его стошнило прямо на самого себя. Тан Сюань — цзун помог ему почиститься, используя свой носовой платок. Ян Гуйфэй⁴⁴ сварила ему суп, излечивающий от похмелья, а Гао Лиши⁴⁵

⁴⁴ Ян Гуйфэй — Ян Юйхуань, танская наложница; одна из четырех красавиц Китая.

⁴⁵ Гао Лиши — чиновник во времена династии Тан.

пришлось снимать с поэта сапоги. Такое к себе обращение никто не мог получить, кроме Ли Бо. Но Ли Бо есть Ли Бо, он ничего не боялся, ведь стихи его ему соответствовали. Он добился успеха, будучи во хмелю, а прекрасная картина процветающей эпохи наполнила этот мир:

I

*Там, где облако, — мнится — ее наряд,
и лицо, — где цветка краса.
Милость дарит тюльпану ветерок, —
и цветет, благодатна роса.
Не иначе красавица с горы Яшим
Си Ван Му посетила нас,
Или самая царственная под луной
фея Фэй с Изумрудных Террас.*

II

*Сама сочная прелесть, тюльпана ветвь,
и росы на ней благодать.
Так счастливо слияние тучи с дождем, —
фее У от горя рыдать.
О, скажите, царящая во дворце
с кем сравнится по красоте?
Лишь с царицей «Летящая ласточка». Лишь
во всём блеске на высоте.*

III

*О, красавица, кто царство покорит,
и цветок, красоту даря,
Навсегда пленили улыбку, взор
восхищенного государя.
Словно ветер весенний, недоволен был,
что закрыты еще цветки.
Но в беседке любитесь государь:
распускаются лепестки.
(Ли Бо «Цинпин тяоци», стих третий.
«Чистые мелодии», пер. А. Алексеевой)*